

АМЕРИКАНСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН 20-30-Х ГОДОВ О ВОЙНЕ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ

30-е годы XX века отмечены усилением интереса к эпохе Революции и Войны за Независимость в развитии американского исторического романа. И Э.Лейси(1), и Э.Уагенкнехт (2) объясняют возрождение интереса к этой теме, с которой, кстати, и началось развитие американского исторического романа около сотни лет назад, атмосферой Великой Депрессии, породившей, с одной стороны, настроения эскейпизма, а с другой - настоящую потребность вернуться к "Камню, из которого мы были вытесаны", подвергнуть анализу фундаментальные принципы, на которых основывалось мышление и образ жизни американцев со времени основания нации, чтобы, вдохновившись героическим историческим опытом, легче пережить нынешние тяжелые времена. Представляет интерес, в свете дальнейшей, послевоенной, интерпретации темы Революции в историческом романе США, замечание Уагенкнехта о том, что в 30-е годы целью исследований этой темы историческими романистами было "просвещение, а не развенчание устоев" (2, 426).

Возврат к теме Войны за независимость в американском историческом романе наметился еще в 1925 году, с выходом в свет прекрасного романа Джеймса Бойда "Барабаны", на который широкая читающая публика, к сожалению, не обратила внимания. Возрождение темы Революции в американском историческом романе межвоенного двадцатилетия можно датировать 1930 годом - годом публикации романа Робертса Кеннета "Эрандел". Эта книга, вместе со своим продолжением "Вооруженный сброд" /1933/, была первым историческим романом о Войне за независимость, завоевавшим огромную популярность. Неувядаемый успех "Эранделу" и "Вооруженному сброду" принесли мастерство повествователя, совмещающего захватывающее действие с точностью воссоздания исторической детали, что придает романам Робертса эффект исторической достоверности. Увлечательность повествования отодвинула на второй план для широкого читателя несколько, мягко говоря, нетрадиционную концепцию американской революции. Независимость американского национального характера герой-рассказчик, за которым стоит автор и которому он в романе доверяет выразить свою позицию, сводит к извечному духу противоречия или упрямству. Автор с презрением относится к Сыновьям свободы, собравшим весь городской сброд, иронизирует над их борьбой против налогов, учитывая, что сами они были неимущими, и объясняет их готовность бороться против англичан стремлением досадить отечественным купцам. Революцию породила, по мнению Робертса, анти-английская истерия, быстро охватившая широкие слои населения. Автор высмеивает революционный энтузиазм, отрицает существование высоких идеалов у восставших против английского владычества, и видит побудительные силы революции в стремлении к увеличению прибылей у богатых купцов и к сведению счетов с имущими, а также к надежде что-то урвать для себя, у

люмпенов. Подобная историческая концепция Робертса делает закономерным появление его третьего романа о Революции - "Оливер Уизуел" /1940/, представляющего показ американской революции с точки зрения лоялиста.

Подобная философия истории американской революции была нехарактерна для исторического романа 30-х годов. Более общепринята та ее концепция, которая получила развитие в выдающемся историческом романе У.Эдмондса "Барабаны над Могавком" /1937/. Интересно отметить, что успех этого романа, возглавившего список бестселлеров 1937 года, напрямую связан с сенсационной популярностью "Унесенных ветром", романом, открывшим дорогу американскому историческому роману к самой широкой аудитории и способствовавшим утверждению, узаконению исторического романа как жанра в американской литературе.

Созданный в самый разгар Великой Депрессии и наступления фашизма по всему фронту, роман Эдмондса был призван вдохнуть в американцев мужество и уверенность в победе над тяжелыми жизненными обстоятельствами напоминанием о мужестве и стойкости их предков, отстаивших свою землю и право на свободу в сходных, по мнению автора, но еще более драматичных, исторических условиях. У.Эдмондс так объясняет свой выбор темы: "Прошлое, изображенное в романе, совсем не кажется мне прошлым. Параллель с нашей жизнью самоочевидна. Люди долины /Могавка - Т.К./ противостояли безрассудному Конгрессу и расстроеной финансовой системе, неизбежными последствиями чего были нищета и настоящий голод. Шаги, предпринятые ими, последовали с автоматической неизбежностью. Обращение за помощью, помощь оказана не была, и тогда пришло понимание, что человек, чтобы выжить, должен постоять сам за себя... Они пережили паралич жалкой зависимости от центрального правительства, абсолютно неспособного решить локальную проблему. И тогда, ... эти люди собрали все свое мужество и поднялись на борьбу за свою жизнь и будущее. В схватке с численно превосходящими, прекрасно экипированными и обученными войсками эти фермеры одержали победу в последней битве долгой войны, сохранили свои дома и заложили основу великого и сильного общества" (3, IX).

Художественная задача, поставленная автором перед собой, определила пафос его романа, пафос прославления героической борьбы народа, поднявшегося на борьбу за свою землю и свои права. Этот пафос нашел выражение не только в философии истории Эдмондса, заключенной в романе, но и в идее истории, воссозданной в нем. Эдмондс показывает, насколько в начале Войны за независимость его героям, простым фермерам, безразличны идеалы Революции и насколько мало они осведомлены о том, что происходит в стране. "Простой фермер, у которого мысли заняты сеном и пшеницей, понятия не имел, из-за чего шла война ... все, что он вспоминал, это начало 1775 года, когда Батлеры и Джонсоны вместе со своим шерифом Александром Уайтом проехали по всей долине, чтобы срубить шесть свобод, перед церковью Хекимера, так же, как перед этим они сделали в Канауаге"

(3, 168). Перемены в настроении жителей долины Могавка начинаются после первых же налетов индейцев, инспирированных руководством британских войск и жившими в долине сторонниками Короны. "Впервые они начали понимать, что только они сами смогут защитить себя" (3, 194). Впрочем, пройдет немало времени, много тягот, лишений и похорон близких придется пережить фермерам долины, не раз они будут обмануты посулами Конгресса защитить их, прежде чем это понимание перерастет в конкретные действия и фермеры, организовавшись в отряды милиции, в бою с врагом ощутят, что "они могут постоять за себя" (3, 194), Эдмондс мастерски показывает, как в боях за свою землю и независимость рождается новое чувство родины, которая для них уже тесно связана с совершающейся революцией. И вот уже герой романа Джил, фермер и только фермер до мозга костей, при виде американского флага ощущает, что он "значит нечто большее, чем флаг Континентальной армии" (3, 446), что он - его и знаменует победу и мир. В плане выражения авторской философии истории, того значения, которое он придает борьбе жителей долины Могавка в ходе Войны за независимость, знаменательно совпадение маленькой победы фермеров, разбивших армию Батлера и очистивших т.о. долину Могавка от врага, с победой большой, победой Вашингтона над войсками Корнуоллиса в Виргинии. По мысли Эдмондса, победа американцев в Войне за независимость и образование американской нации не были бы возможны без подобных "малых" побед, без активного действия на новой основе широких народных масс.

Героический пафос романа не помешал Эдмондсу в выражении главного тезиса его философии истории, тезиса антагонизма государства и простых людей, проявившегося еще на стадии формирования этого нового якобы демократического государства, что нашло отражение во внутреннем конфликте романа: жители романа против центрального правительства, которое не желает их защищать, но обирает и разоряет. С первых страниц романа получает развитие авторская мысль о том, что революционная борьба против Короны ведется только в экономических интересах купцов-янки, до местных жителей /в основном потомков немцев и датчан/ революционному правительству дела нет, они предоставлены сами себе, их выживание становится их личным делом. Жители долины просят защиты от грозящих рейдов индейцев и тори, а Конгресс упорен в укреплении никому не нужного форта Стэнуикс. Долина оголена против неприятеля. С едкой иронией рисует Эдмондс командование Континентальной армии, которое, чтобы как-то среагировать на разорение долины, которое можно было предвидеть и предотвратить, разоряет поселение дружественных американцам индейцев; высмеивает их медлительность, позволившую враждебным племенам ускользнуть, нерасторопность, непродуманность действий, склонность к бюрократическим отпискам. Автор показывает, что их бессмысленная жестокость к индейцам приуготовила жителям Долины безжалостный террор, которому после ухода Континентальной армии индейцы подвергли долину. В изображении Эдмондса, Война ведется за счет народа, хотя его и не защищают.

За свою службу в рядах милиции и за свои раны люди получили гроши, надменный чиновник, выдававший им деньги, настаивает на том, что он действует от имени Конгресса. Грабительский налог, установленный Конгрессом, на издавна принадлежавшие жителям долины землю и строения, разорил почти всех. Горькой иронией окрашиваются в контексте романа слова, сказанные в замешательстве одним из фермеров: "Я думал, что причина, по которой в Бостоне начали войну, и была в том, чтобы нам не пришлось платить налогов" (3, 488). Когда же жители долины, благодаря своему мужеству и стойкости, ценой тяжелых жертв очистили долину от врага, бразды правления снова захватили ново-английские штаты.

Концепция американской революции, воплощенная в романе Эдмондса, по сути, предваряет концепцию американской революции, выраженную Гором Видалом в "Бэрре": "Богачи придерживались проанглийской ориентации, а беднякам было безразлично, платят американские купцы налоги далекому острову или нет. Честно говоря, кроме горстки честолюбивых адвокатов, патриотов в 1775 году было очень мало" (4, 49).

Философия истории Эдмондса включает в себя осознание Войны за независимость как войны гражданской, войны, вызванной, не в последнюю очередь, столкновением классовых интересов. Один из героев романа, Херкимер, ставший предводителем милиции долины, так характеризует грядущую войну: "У нас будет хотя бы одна большая битва. Все внутри семьи, Джо. Мы и Джонсоны. И никаких солдат. Считай, что это и не война вовсе". Подобная концепция Войны за независимость как войны гражданской, вызванной классовым антагонизмом, могла появиться у Эдмондса под влиянием революционизирующей атмосферы "красных 30-х" с их невиданным всплеском левого радикализма. Осмысление истории Эдмондсом вновь позволило американскому историческому роману обогнать отечественную историографию, которая еще в 50-60-х годах разрабатывала тезис, что американская революция не была революцией с социально-политической точки зрения, что роль ее якобы состояла в упрочении демократической традиции, зародившейся в XVII веке, в сохранении демократических институтов, что рождать демократию не было необходимости - она существовала с начала возникновения колоний /школа Брауна/.

Мысль о классовом характере Войны за независимость станет основной в философии истории крупнейшего американского исторического романиста Говарда Фаста, в его осмыслении Войны за независимость.

Восхищаясь стойкостью и мужеством своих героев, Эдмондс предпочитает находить вполне материальное обоснование для их патриотизма и выбора своего места в борьбе колоний, словно чуждаясь и не доверяя возвышенным идейным мотивам, более того, высмеивая их. Его герои-фермеры сражаются не за высокие патриотические идеалы, а ради выживания - иначе победившие сторонники Короны "шкуру с них спустят" (3, 83). Джо Болео, неопределимый следопыт и проводник отрядов милиции и

Континентальной армии, без которого победа над английскими войсками и индейцами была бы невозможна, в своем выборе сторон руководствовался не патриотическими мотивами, а соображениями выгоды: его, охотника, ущемляли притязания англичан на регулирование торговли с индейцами и цен на пушнину, иначе он примкнул бы к Джонстонам. Только на здоровой основе материального интереса, считает Эдмондс, может произрасти честный патриотизм. Фанатиков идеи автор опасается, и не зря. Для понимания философии истории автора особое значение приобретает эпизод с Джоном Вулфом, содержанием трактира. В день военных сборов подвыпившие фермеры врываются в богатый дом одного из сторонников Короны, грабят, учиняют там разгром, а затем, чтобы не отвечать за содеянное, арестовывают Джона Вулфа, известного своими проанглийскими симпатиями, по обвинению в пособничестве шпиону, следы пребывания которого они обнаружили на чердаке разграбленного дома. То, что они пришли в дом инакомыслящего, освободило их от следования моральным догмам и от угрызений совести; а, стремясь снять с себя ответственность за незаконные действия, они, прикрываясь патриотическими мотивами, арестовывают ни в чем не повинного человека. Доказательств вины Вулфа нет никаких, но тенденциозный суд приговаривает его к расстрелу, фактически, не за действия, а за политические убеждения, за инакомыслие. В аресте и в вынесении ему приговора особенно усердствует учитель МакНод, неприязнь к которому автор не скрывает. Капитан Демус, человек более высокого интеллекта, чем окружающие, которому автор доверяет здесь высказать свою точку зрения, предупреждает, что МакНод будет еще причиной многих бед, потому что "он действительно патриот. Для меня, патриотизм значит не многое" (3, 86). Автор, конечно же, не против патриотизма, но он не приемлет политического экстремизма ни в каком его виде, чем бы он ни был продиктован, мотивами ли сверхпатриотическими или обратными, и всей логикой развития образов и действия в романе показывает, что политический экстремизм порождает беззаконие, нарушение прав человека, произвол. Так философия истории Эдмондса соприкасается с бурной историей 30-х годов, в этом - его отклик на современные ему два экстремистских режима, две диктатуры, основанные на идеологии, возведенной в ранг государственной политики - фашистскую и тоталитарную советскую.

В рамках литературной традиции роман Эдмондса явился одним из ближайших продолжений темы, начатой романом С.Льюиса "У нас это невозможно" и ставшей затем магистральной в американской литературе - темы предупреждения современников против угрозы фашизации жизни в самих Соединенных Штатах.

Описание битв в романе выдержано в традиции Стивена Крейна, предшествующих исторических романов 20-30-х годов, литературы "потерянного поколения". Эдмондс подчеркивает ужас, варварство и бессмыслицу войны, ожесточающей людей и заставляющей их бесцельно уничтожать друг друга. Его особое неприятие вызывают акты политической

мести, выражающиеся в убийстве невинных. С возмущением рассказывает он о том, как после одного из рейдов индейцев солдаты милиции в отместку сожгли среди ночи поселение приверженцев Короны, издевались над их женами и детьми. Для выражения своей позиции трижды обращается автор к одному и тому же эпизоду - рейду армии и милиции, предпринятому против индейцев, показывая его то глазами индейца Синяя Спина, то через восприятие Джила, то - Джона Уивера. Подобный фолкнеровский прием /множественность точек зрения на одно событие/ не только помогает автору воссоздать стереоскопическую картину действительности и более полно выразить свою концепцию события, а через него - свою философию истории, но и делает возможным воссоздание идеи истории людей, участвовавших в ее сотворении. Индеец, тайно следующий за армией, потрясен видом сожженных городов, убитых животных, уничтоженных посевов, изнасилованных и зверски убитых затем молодых индианок. Индейцы во время походов грабили, войска - спокойно и систематически уничтожали с одинаковым хладнокровием посевы и людей. Индеец перестает понимать белого человека.

Добропорядочный фермер Джил, любящий муж и заботливый отец, вернувшись из похода, походя говорит жене о карательной экспедиции: "Мы сожгли города. Взяли пленных. Ничего особенного, только много пришлось маршировать" (3, 466). И только умудренный жизненным опытом Джон Уивер осуждает жестокость против индейцев, да и то потому, что в дальнейшем они будут жестоко мстить белому населению. По мысли автора, индейцы нравственно гораздо выше белых, даже в своих проявлениях жестокости.

Отношение к индейцам - важный момент, определяющий мировосприятие людей изображенной в романе эпохи и региона, фронтисменов, живущих с индейцами в постоянном контакте. Эдмондс показывает, насколько психология завоевателей, истинных хозяев земли стала частью национального сознания. Джо Болео, до сих пор с любовью вспоминая свою жену индианку и с ностальгией - те времена, когда индейцы были дружелюбно настроены к белому человеку и охотно отдавали ему своих дочерей в жены, неожиданно заключает свой идиллический рассказ о счастливой жизни с женой: "В индейцах нет ничего хорошего. В этой стране жилось бы гораздо лучше, если бы не индейцы" (3, 322).

На уровне идеи истории Эдмондс раскрывает национальные, этнические конфликты, существовавшие при рождении нации. Янки не любят местное население, а Лана, жена Джила, отстаивая невинно осужденного Вулфа, с презрением бросает в ответ на рассказ о бесчинствах янки по отношению к женам и дочерям Тори: "Мы - не янки" (3, 82), выражая этим укоренившуюся в долине Могавка точку зрения.

Исторический роман Эдмондса отразил наболевшие проблемы эпохи, в которую он был создан; интерпретация истории в "Барабанах над Могавком" своим пафосом прославления активного политического действия широких

народных масс и обличения классового антагонизма, проявившегося еще во времена Революции и Войны за независимость, заложенного в основу американского государства, подготовила почву для появления исторических романов Г.Фаста об американской революции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Leisy E. The American Historical Novel. –Norman, 1950.
2. Wagenknecht E. Cavalcade of the American Novel from the Birth of the Nation to the Middle of the 20-th Century. -N.Y.,1952.
3. Edmonds W. Drums along the Mohawk. –Boston,1938.
4. Видал Г. Бэrr. // Иностранная литература. -1977. №7.